

ДИКИЕ СОБАКИ

Ирина ИСТРАТОВА.

Над горизонтом, увенчанным тонким золотым заревом, пронзительно чернело звёздное небо. Огромный Юпитер неподвижно висел на небосводе, склонив рогастую голову под тяжестью тёмного диска, а маленькая луна Ио, словно о чём-то умоляя, протягивала к нему тонкие руки. Бледно-розовый свет сочился на ледяные поля.

Первые лучи солнца ударили из-за горизонта и отразились от тысячи граней. Скользнули по катушке посадочной площадки, очертили покатые стены снежных ангаров. Заглянули в параболическое зеркало исполинской антенны из армированного льда, поиграли с чёрными фигурками гусеничных роботов.

Из-за горизонта медленно выкатилось солнце, похожее на фару снегохода.

По чёрному диску Юпитера двигалась пиктограмма космического корабля. Предупредительный компьютер, проследив направление человеческого взгляда, вывел рядом надпись: «Фламин». Дверца холодильника, не занятая пока никаким графическим представлением, отобразила схему планетолёта, выделив красным поднятый тепловой щит. По поверхности обеденного стола пробежали разноцветные линии. Траектория «Понтифика» огибала Юпитер и уходила к Сатурну, но раньше от неё отщеплялась траектория «Фламина», закручивалась в атмосфере газового гиганта и далее — пунктиром — тянулась к Европе.

Андрей Николаевич Савин налил в чашку заварки, скользнул взглядом по картинке на боку термоса: рубка «Фламина», сосредоточенное лицо пилота. Видимо, изображение синтезировано компьютером — во время аэродинамического торможения Тагаев должен лежать в противоперегрузочной ванне, управляя планетолётом через нейроинтерфейс.

— А давайте кинем жребий, — предложил Рафаэль Эррера Баррос.

Савин вздрогнул, с трудом сдержав смех, и потряс облитой кипятком рукой. Американец озвучил то, о чём думали все члены их маленькой команды.

— Ничего подобного! — сказал Хэ Бинсин. — Первым с ним будет общаться доктор Савин. Он начальник экспедиции.

Андрей Николаевич сделал глоток. Как же он стосковался по горячему чаю! Почти так же сильно, как по людям. Здесь, на базе, вода закипает при семидесяти по Цельсию, а из людей только Рафаэль Эррера Баррос, Хэ Бинсин и Ракеш Наутиял, за три с лишним года экспедиции изученные до отвращения.

Горячий чай стоит того, чтобы иногда закрыться в барокамере. Чёрт возьми, может, завтра и впрямь воспользоваться служебным положением?

— Следующий на очереди — доктор Эррера Баррос, — продолжал Хэ Бинсин. — У него две докторские степени: по медицине и по биологии.

— Определённо, — американец широко улыбнулся.

— Остались я и доктор Наутиял. По возрасту и количеству научных публикаций мы примерно равны, но пусть третьим будет доктор Наутиял.

— Это почему же? — настороженно спросил индиец.

— Я могу подождать, — ровным тоном сказал Хэ Бинсин. — В конце концов, есть другие интересы, помимо общения. Доктор Тагаев привезёт архив интернета за три года, почитаю что-нибудь новенькое по специальности. Ходить по ссылкам без задержки — такое наслаждение!

— Боюсь, мы не можем придерживаться предложенной вами схемы, доктор Хэ, — Савин прикрыл чашкой улыбку. — Доктору Тагаеву первым делом потребуются медицинский осмотр.

— Безусловно! — радостно подтвердил Эррера Баррос.

— Не вижу затруднений, доктор Савин. Разве врач — не ваша вторая специальность? Почему-то это обстоятельство постоянно упускается из виду.

— Доктор Хэ, вы опять за старое, — сказал Савин с укоризной. — Я ничего не скрываю. Просто нет необходимости об этом вспоминать: доктор Эррера Баррос прекрасно справляется со своими обязанностями... Доктор Наутиял, вас что-то тревожит?

Ракеш Наутиял поднял взгляд от своих с силой сцепленных рук.

— Вот мы всё планируем... А если он не захочет с нами разговаривать? Он две не-

Повесть Ирины Истратовой получила специальный приз журнала «Наука и жизнь» на фестивале фантастики «Басткон», 2012 г.

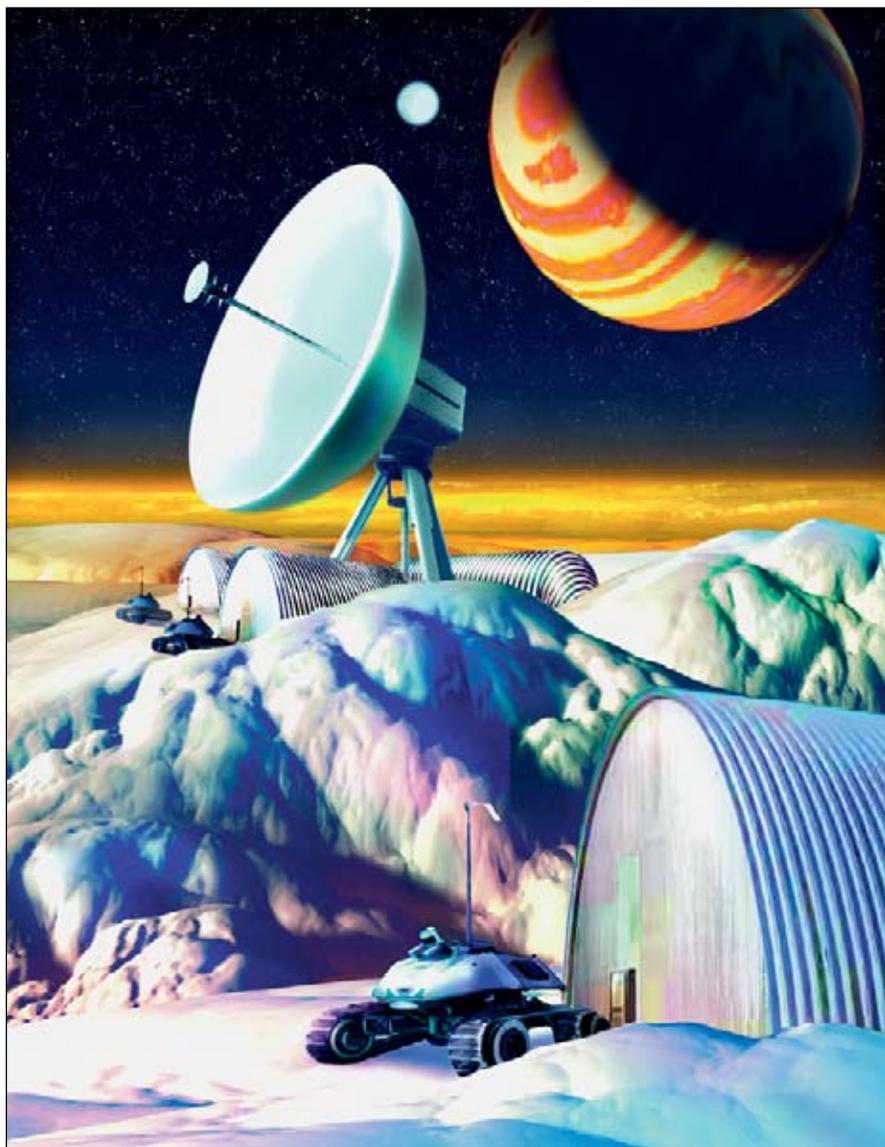

Рисунок Людмилы Слюсаренко.

дели был совсем один, а мы тут справляли сатурналии. Я бы обиделся.

Пока «Понтифик» маневрировал в гравитационном поле Юпитера, экипажи двух миссий общались практически в реальном времени — ведь что такое задержка порядка десяти секунд для тех, кто на расстоянии светового часа от Земли? Это был праздник. Работа стояла. Савин объявил выходные, то же сделал командир «Понтифика». О Тагаеве забыли, что было не очень-то хорошо, но никто ничего не мог с собой поделывать. Его оставили на потом.

— Он не обиделся, — сказал Эррера Баррос, — он же психолог.

— Значит, обиделся, но не подаст виду, — возразил Хэ Бинсин.

В свете солнца Европа сверкала, как разбитая ёлочная игрушка. Хаос ослепительно-белых плоскостей и резких теней — и занесённый серп Юпитера, ржавый и окровавленный. Чуть выше крошечная перевёрнутая лодочка Ио плыла против восходящего звёздного течения.

В зените разгоралось второе солнце. Всё окрасилось в синие тона, постройки отбрасывали двойные тени. Колонна голубого света опускалась на приподнятый центр посадочной площадки, как будто на пьедестал. Лёд вскипел, пар взметнулся и мгновенно замёрз, синее сияние угасло в облаке ле-

дной пыли. Белое кольцо, серебрясь на солнце, расходилось и оплывало. И вот в центре, точно ступица, показался покрытый инеем нос космического корабля. К месту посадки съехались роботы, вооружённые водомётами, и быстро наморозили ледяной коридор, соединивший шлюз «Фламина» со входом на базу.

— Я дам вам кислород, чтобы вывести гелий из организма. Будет немножко весело. Займёт четверть часа, не больше. А тем временем я запущу компьютерную диагностику. Потом будем понижать давление. Мы на базе дышим чистым кислородом, так что давление примерно треть атмосферы. Кстати — у нас не курят!

Рафаэль Эррера Баррос рассказывал по медблоку и возбуждённо размахивал руками, словно сам перебрал кислорода. Его английский от волнения испортился.

— Ну, конечно, кроме кислорода есть водяные пары и немного углекислого газа — мы его выдыхаем. На Европе он дороже золота, улавливается и поступает в оранжерею. Зовите меня Рафаэль, просто Рафаэль.

— Валентин.

— Чрезвычайно рад! — с чувством сказал американец. — Поскорей бы Хэ Бинсин наладил добычу газа в атмосфере Юпитера. Органики не хватает. Да и мы могли бы дышать нормальным воздухом... О! Валентин, вы в хорошей физической форме.

Взгляд Рафаэля скользил по видимым ему одному строчкам на внешней стенке барокамеры — для Тагаева она оставалась абсолютно прозрачной.

— Не то что мы, когда добрались до Европы, — вздохнул Рафаэль. — Нам бы такую «карусель», как на «Понтифике». Одна пятая g на жилой палубе, верно?

— Да, доехал я с удобствами, — развёл руками Валентин. — Зато вы — первые.

Двери барокамеры разошлись. Рафаэль долго тряс руку Тагаева двумя руками. Хотел, кажется, обнять, но постеснялся.

— Вот, — Рафаэль указал на прозрачный шар размером с футбольный мяч, — это для вас.

— Спасибо — но что это?

— Скафандр.

— Вообще-то, у меня уже есть.

— Этот лучше, — объяснил Рафаэль.

— Просто положите на него ладонь, и он сам на вас наденется. Очень удобно. Можно настроить, чтобы автоматически снимался в комнате.

— Зачем же ходить по базе в скафандре? — нахмурился Тагаев. — Что стряслось?

— Ничего, всё в порядке. Просто здесь прохладно.

На Рафаэле были шорты цвета хаки и весёленькая рубашка с короткими рукавами.

— Не лучше ли одеться потеплей?

— Это не так комфортно. И потом... — американец замялся. — Вдруг разгерметизация? А скафандр может неограниченно долго обеспечивать теплом, водой и кислородом — льда, слава богу, достаточно.

— Часто такое случается?

— Давление ощутило падало раза два или три. И был небольшой пожар.

— Но вас это беспокоит?

— К чему вы клоните? — обиделся Рафаэль. — Эти проблемы нам достались в наследство от «Мариуса». Por Dios! Проще было построить базу с нуля, чем постоянно ремонтировать что-то, имеющее отношение к «Мариусу».

База, построенная миссией «Мариус», благополучно простояла во льду пятьдесят лет. Потом её расконсервировали, и оказалось, что система теплоизоляции не совсем точно рассчитана на работу в условиях Европы. Только чистый лёд тает при нуле по Цельсию, а у поверхности Европы он пропитан серной кислотой. Как только температура поднялась до минус шестидесяти, замороженный раствор начал плавиться и база «поплыла».

— И вообще, — печально продолжал биолог, — в жизни случается всякое. Можно поскользнуться — лёд же везде. Наденьте, пожалуйста, скафандр, что вам стоит!

Понятно. Доктору Эррере Барросу поручили испытать на Европе новейшую разработку юзабилитов. Трудно сказать, какую защиту от радиации эта штука обеспечивает, но вряд ли в ней безопасно ходить по поверхности. И вот бедный Рафаэль изобретает причины, по которым скафандр следует носить в помещении.

Ладно, почему бы не пойти ему навстречу, тем более если будет действительно удобно. Валентин прикоснулся к прозрачному шару. Пальцы погрузились в тёплую субстанцию — она тут же обволокла руку и стала подниматься вверх. Ощущение такое, будто тонешь или тебя проглатывают. Понятно, почему к умной материи на Земле относятся настороженно, но, возможно, успешные испытания на Европе повлияют на общественное мнение.

Скафандр добрался до манжеты и втёк в рукав. Шар уменьшился в объёме и скоро сошёл на нет. Валентин покрутил кистями рук, сжал и разжал кулаки. Скафандр не мешал.

— Симпатично.

— Носите на здоровье, Валентин, — облегчённо выдохнул американец. — Ну, пойдёмте отметим ваше прибытие!

По такому случаю с двери столовой убрали график приёма пищи. Рано или поздно Тагаев узнает, что члены экспедиции избегают совместных трапез, но омрачать первую встречу ни к чему. На столе — во взвешенном льду — лежала бутылка шампанского с обугленной от кислоты этикеткой.

Тагаева встретили в коридоре, обступили, стали жать руку и наперебой спрашивать, как он долетел, как его самочувствие и как ему понравилась Европа. Все оживились. Кто-то хлопнул Валентина по плечу.

Начальник экспедиции лихо вытащил шампанское из кислотного льда и ударил по донышку — пробка вылетела, как ракета.

— С прибытием на Европу! А всё-таки, Валентин Вадимович, — Савин с явным удовольствием проговаривал русское имя-отчество, — кого нам прислали в вашем лице? Говорят, вы сменили специальность.

— Просто освоил ещё одну, Андрей Николаевич.

— Да я не про это, — Савин поставил бокал на стол. — Вы больше не геофизик?

— Я европолог.

— Ничего себе! — преувеличенно удивился начальник экспедиции. — На Земле уже есть такая наука?

Тагаев ответил ему прямым, серьёзным и дружелюбным взглядом. У него было узкое, с тонкими чертами лицо, окружённое ореолом тёмно-русых волос, слишком жёстких, чтобы лежать ровно в условиях пониженной гравитации. Глаза, затенённые густыми ресницами, казались почти чёрными, на свету же они становились глубоко тёпло-коричневого цвета, какой бывает у чая, когда солнечный луч отражается в мельхиоровой ложке.

Савин с интересом разглядывал новоприбывшего. Они давно знали друг друга по научным статьям и по видеоконференциям, но встретились впервые. Тагаев занимался теорией дифференциальных уравнений в частных производных, то есть был теоретиком и даже, скорее, математиком. Для практического приложения он мог выбрать любую область, но его почему-то интересовали геологические процессы в ледяных оболочках резонансных спутников. Савин очень удивился, когда увидел фамилию Тагаева в списке кандидатов в составе миссии «Гаруспик». Наивный человек! Где ему тягаться с ветеранами марсианских экспедиций? Он даже в Гренландии и в Антарктиде не побывал — в этих Мекке и Медине марсианских гляциологов. Вчерашний аспирант, автор нескольких любопытных статей; продолжит в том же

духе — лет через десять станет авторитетом в своей области. А пока он Савину не конкурент.

И всё же Савин испытывал неловкость. Ему хотелось как-то поддержать Тагаева, и он рекомендовал его в состав очередной марсианской миссии. Но Тагаев на Марс не полетел. Это, видите ли, для него бесполезно, потому что марсианские льды тектонически не активны. Он остался на Земле и давал альтернативную интерпретацию наблюдений, которые Савин проводил на Европе. Они постоянно спорили, обмениваясь электронной почтой.

Планировалось, что «Понтифик», пролетая мимо Юпитера, забросит на базу биологов. Но, так как жизни на Европе до сих пор не нашли, вместо них отправили оборудование и ещё одного планетолога. Последнему пришлось вдобавок освоить космическую психологию: у команды «Гаруспика» возникли проблемы.

Савин не представлял Тагаева в роли психолога. У Валентина, кажется, отсутствовало чувство юмора. Ни разу на его памяти Тагаев не рассмеялся шутке, не сострил — последнее, впрочем, шло в плюс: в маленьких замкнутых коллективах не жалуют юмористов. Тагаев был исключительно уравновешен, даже в самых ожесточённых научных спорах он не выходил из себя. Савин же, внешне спокойный, подпускал в свои реплики всё больше яду и, когда набегала критическая масса, взрывался. Порой Савину казалось, что невозмутимость Тагаева объясняется равнодушием к науке — или, наоборот, запредельной уверенностью в собственной правоте.

Они так и не смогли друг друга переубедить, а поскольку оба были добросовестными учёными, о консенсусе речь не шла. Их могла рассудить лишь Европа.

— Рад, что вы приехали, Валентин Вадимович, — сказал Савин.

Тагаев стоял на пороге, рассматривая свою комнату. Точно такая же, как любая другая в жилом отсеке: стол, стул и кровать; стены под старину отделаны пластиком, светодиодные лампы равномерно освещают помещение. Впрочем, почему «под старину»? Подлинный интерьер середины века. Пока даже забавно, а надоест — можно сменить обстановку с помощью расширенной реальности.

Робот-уборщик закончил наводить порядок и выкатился в коридор. Тагаев закрыл за ним дверь; скафандр стёк с его пальцев на ручку и ровным слоем распределился по дверному полотну. Действительно удобно. ⇨

А это ещё зачем? Тагаев озадаченно поднял и опустил тяжёлую металлическую щеколду. Такое вряд ли предусмотрено проектом. Не работают электронные замки? Вполне возможно: на базе, построенной «Мариусом», поломки в порядке вещей.

Только от кого тут запирается? Друг от друга? Отношения у членов экспедиции натянутые, но явной враждебности Тагаев не заметил. По-своему, они неплохо справляются с ситуацией. Валентин вошёл в публичную сеть, открыл папку «Расписания». График посещения спортивного зала и бассейна, график пользования столовой... Обитатели базы делают всё от них зависящее, чтобы лишний раз не встречаться. Они бы, если могли, расселись по разным планетам — по одиночке на каждый Галилеев спутник, как в шутку предлагается в лимериках, найденных там же в сети:

*Жил один гляциолог на Ио,
Он бесплодно искал криптоиво.
«Очевидно, Юпитер
Криповиво похитил», —
Заклучил гляциолог наивно.*

*А биолог, что жил на Европе,
Как-то раз рассмотрел
в микроскопе
Ложноножки в чулках
В туфлях на каблуках —
Видно, линзы купили в секшопе.*

*Астрофизика на Ганимеде
Приходили проводить соседи:
Крокодилы и раки,
Хомячки и собаки,
Леопарды, слоны и медведи.*

*Жил один программист
на Каллисто,
Одинокий, как граф
Монте-Кристо.
Он сквозь камень и лёд
Прокопал тайный ход,
Очутившись опять на Каллисто.*

Стихи заинтересовали Тагаева как психолога. Очевидно, в них отразилась неофициально сложившаяся иерархия: Савин, Эррера Баррос, Наутиал, Хэ Бинсин.

В первом лимерике, про Андрея Николаевича, обыгрывается происхождение Галилеевых спутников. Их химический состав различен: чем дальше от Юпитера, тем больше воды и меньше железа и камня. На Ио воды нет совсем, на Европе под слоем льда и воды — большое каменно-железное ядро, Ганимед же и особенно Каллисто состоят из льда и воды

почти наполовину. Галилеевы спутники образовались из обледенелых камней, захваченных Юпитером из солнечного диска. Диск же Юпитера довольно горяч, особенно ближе к центру, где его прогрело излучение сжимающегося газового гиганта. Если камни втягивались в диск в районе орбиты будущей Ио, лёд с них испарялся. Вращение вытесняло водяной пар прочь от Юпитера, и он конденсировался на холодных зародышах Ганимеда и Каллисто.

Неизвестный автор намекал на приверженность Савина к другой гипотезе — что вода с Ио была ионизирована и поглощена магнитосферой Юпитера, вроде того, как сейчас это происходит с веществом, извергаемым её вулканами. А ещё, возможно, лимерик высмеивал некоторую зашоренность Савина как учёного, проистекающую от его многолетней работы на Марсе. «Криповиво» — намёк на раскол, с которым постоянно приходится иметь дело марсианским гляциологам. Скорее геохимики, нежели геофизики, в основе любых процессов они видят химические реакции и фазовые переходы. И с этой точки зрения они теперь объясняют конвекцию на Европе! Интересно, понимает ли Савин ограниченность подобного подхода? Должно быть, да, потому что не захотел пригласить в состав экспедиции ещё одного марсианского гляциолога и из нескольких предложенных Центром кандидатур одобрил Тагаева.

Чтобы разгадать смысл второго лимерика, Валентин недостаточно разбирался в биологии. Третий же лимерик остался совершенно непонятен. Никаких животных на базе нет, остаётся лишь аллегорическое толкование. Тагаев выделил последние строки и запустил ассоциативный поиск. У Рафаэля в открытом доступе обнаружилась большая подборка статей по криобиологии, посвящённых замораживанию мышей и морских свинок. Среди файлов Хэ Бинсина нашлась книга «Рецепты китайской кухни». Самый богатый улов оказался в директории Савина: фотографии, где он с внучкой в зоопарке, и акустические колебания, записанные с геофонов и помещённые почему-то в папку «Собаки». Один Ракеш Наутиал был как будто ни при чём.

Валентин открыл папку звукозаписей. Раздался низкий угрожающий гул, перемежающийся резким взрывным треском: голос Европы, жалующейся на жестокое обращение Юпитера, голос, идущий из глубин её хрупкой литосферы. Наверно, извращённое воображение способно слышать в этих звуках лай и рычание...

Что означает четвёртый лимерик, Тагаев вскоре узнал.

— Доброе утро, Валентин Вадимович. Заходите, располагайтесь на пенке.

Под ногами шуршала рыжая хвоя. Вокруг темнел дикий ельник, пахло смолой и сыростью. Савин сидел на поваленном стволе, то есть, должно быть, на кровати.

— Андрей Николаевич, хочу поговорить о том, что происходит на станции.

— Действительно хотите? — Савин вздёрнул бесцветную бровь. — Сомневаюсь. Почему-то мне кажется, Валентин Вадимович, что вы бы с куда большим удовольствием поговорили о планетологии или об этой, гм, европологии. Ещё, думаю, вам не терпится осмотреть скважину. Мы как раз пересекли границу астеносферы и обнаружили многообещающую рассольную линзу. Ну, что скажете?

Савин пристально посмотрел в глаза Тагаеву, пытаясь уловить подтверждение своим словам. Валентин, сохраняя невозмутимость, ответил:

— Я разумно поделю время между тем и другим.

— Вы потратите половину времени впускую, Валентин Вадимович. Что ж, дело ваше.

— Вот именно, Андрей Николаевич, это тоже моя работа.

— Да я понял, — Савин махнул рукой. — Делайте вашу работу. Но не думаю, что из этого выйдет толк. Или вы уговорите нас друг друга полюбить? Не представляю.

— Наверняка что-то можно придумать, — убеждённо сказал Тагаев. — Понизить напряжённость. Найти общие интересы.

Начальник экспедиции грустно улыбнулся.

— Что бы вы ни придумали, Валентин Вадимович, поначалу у вас получится. Потом, не считите за обиду, вы нам осточертеете и ваши инициативы тоже. Это неизбежно. Может, к чёрту психологию, а? Займитесь геофизикой. Вам же хочется, я вижу.

— Хочется, — сдался Тагаев, — вы не представляете, как.

— Значит, идём смотреть скважину?

— Завтра, Андрей Николаевич. Кроме шуток, меня очень тревожит обстановка на станции, и не только как психолога. Да кто угодно забеспокоится, обнаружив у себя в комнате это средневековое приспособление! — Тагаев кивнул на дверь, которую, как и его собственную, украшала щеколда.

— Ах, вот вы о чём! — облегчённо рассмеялся Савин. — Это не имеет отношения к нашим психологическим проблемам. Мы ещё не настолько... гм, чтобы вот так... Далеко не настолько.

— Тогда от кого запираетесь?

— От собак.

— От собак? — растерялся Валентин.

— Каких собак?

— Тех, которые живут на базе.

На секунду Тагаеву показалось, будто он что-то упустил. Потом решил, что Савин его разыгрывает. С Андрея Николаевича станется, у него своеобразное чувство юмора... А может, особенности характера ни при чём и Савин отдаёт дань традиции. Устроил новичку обряд принятия в коллектив — как повелось, в форме розыгрыша.

Увы, это оказался не розыгрыш. У Савина совсем другое лицо, когда он собирается шутить: светло-серые глаза чуть прищурены, а губы плотно сжаты.

Плохо дело.

— Андрей Николаевич, вы сообщали о собаках на Землю? — ровным голосом спросил Тагаев.

— Пока нет, но собирался, как только мы поймаем одну.

— Андрей Николаевич, а эти собаки... — осторожно сказал Валентин. — Давно они вышли из-под контроля?

Гляциолог кивнул:

— Да, собаки совсем одичали. Пятьдесят лет без человеческого общества...

— И часто вы их видите?

— Вообще-то, ни разу не видел. Но слышал лай.

— Через геофоны? Андрей Николаевич, а может, вы слышали треск льда?

— Думаете, я не знаю, как трещит лёд?

— Это должен быть лёд, — настаивал Тагаев. — Ну откуда на Европе собаки?

— Говорю вам: их привезли пятьдесят лет назад на «Мариусе».

— Невозможно, — Тагаев покачал головой. — Как бы они выжили? Что они ели, чем дышали, как спасались от холода?

— Всему есть объяснение. Давайте по порядку: питались продуктами со склада.

— Значит, запасы должны быть попорчены. Это легко проверить.

— Нет, — сказал Савин. — Склад сгорел незадолго до нашего прибытия.

Да, точно. Через трещину в обшивке просочилась серная кислота и замкнула электропроводку. Автоматическая система пожаротушения откачала кислород, но некоторые помещения успели выгореть полностью.

— Там хранился спирт, — в голосе Савина проскользнуло сожаление. — Конечно, всё сгорело.

— Хорошо, а зачем собак привезли на Европу?

— Для опытов. Проверить, как организм переносит низкую силу тяжести в кислородной атмосфере.

⇒

— Что мешало провести эксперимент на Луне?

— Зелёные, — сказал Савин с неприязнью. — В те годы они были силой. Да и сейчас... Ну, не важно. А тогда была эпоха борьбы за чистый термояд. Понимаете, о чём я? — Андрей Николаевич поднял бровь, и Валентин кивнул. — Борьба за права животных шла в довесок, но не на шутку. Так что приходилось действовать тайно.

— Ладно, — допустил Тагаев. — Но согласитесь, собаки оставляют следы жизнедеятельности.

— А роботы-уборщики на что?

— Давайте отключим всех роботов и выследим собак.

— Не годится! Слишком опасно. Если случится авария, кто устранил поломку? Но вы не думайте, будто мы сидим сложа руки. Регулярно осматриваем тоннели, ищем логово.

— Кто ещё с вами?

— Да все.

— Они тоже видели собак?

— Что значит «тоже»? Я собак не видел. А вот Эррера Баррос видел, и Наутиал уверяет, будто они его преследуют. Вы поговорите с ним как психолог, объясните, что этого быть не может.

— Обязательно, — пообещал Тагаев. — А логово так и не нашли? Странно, вам не кажется? База не так уж велика. Собакам просто негде спрятаться!

— Гм... вообще-то, им есть где спрятаться.

Стены коридора были отделаны пластиковыми панелями, через равные промежутки горели светодиодные лампы. Одна из панелей покорибилась и отошла, рядом возлился робот-уборщик, прикрепляя её на место. Валентин ещё раз сверился с планом и остановился у перехода в новую часть базы.

Автоматические двери разъехались, и Тагаев остолбенел. Стены тоннеля были оранжевые, пол — зелёный, потолок — фиолетовый... нег, уже синий. Навстречу Валентину пробежала красочная волна, и тоннель расцвёл радужным узором из переплетающихся спиралей. А, да это ведь программа раскраски металла! Одно из психологических ухищрений, призванных разнообразить жизнь на базе. Технически легко осуществимо: металл пронизан ледяными же фотонно-кристаллическими световодами. Тонкие волокна освещают тоннели, они отвечают от мощных, с полый сердцевинной, энергетических магистралей. По ним энергия, преобразованная лазерами в видимый свет, идёт от термоядерного реактора в дальние уголки базы — к скважине, к антеннам и научному оборудованию на поверхности.

И не только туда. Оказалось, во льду построены огромные помещения, не предусмотренные проектом. Члены экс-

педиции вырыли себе четыре непересекающиеся системы тоннелей, чтобы гулять в полном одиночестве.

Савин назвал свою постройку «Проспектом». От просторного центрального тоннеля отходят, словно улицы, тоннели поуже, а от них ответвляются кривые тоннельчики-переулочки. Тут было бы интересно побродить — не то что по системе индийца. Кольцо диаметром в километр, чисто функциональное сооружение, — как раз пройти после ужина. Наутиала настолько не занимала собственная постройка, что он не озаботился дать ей имя, и Савин, составляя план, назвал её «Стадион».

А Рафаэль, чувствуется, отведдушу, строя себе «Диснейленд». В этом гляциопарке не гуляют, а катаются с ледяных горок. У Рафаэля безудержная фантазия и — увы! — то, что принято вежливо называть альтернативным инженерным мышлением. Беда большинства американцев, воспитанных на мультиках. Став студентами, они, конечно, получают правильные знания по выбранной специальности, но в других областях их представления остаются фантастическими. Рафаэль очень хороший биолог, иначе бы его не было на Европе, но строит он, наплевав на сопромат и здравый смысл. Вот где утечки-то! Кстати, Рафаэль зря ругался — когда старую базу одели в оболочку из металла, стало безопаснее. Металл поддерживает свою целостность: повреждённый участок разогревается и застывает, повторяя соседние структуры.

Хэ Бинсин не строил, он создавал произведение искусства. Трёхмерное кружево пустоты во льду называлось «Одиночество», а если записать иероглифы в фонетической транскрипции, получится аббревиатура одной из отменённых миссий к спутникам Юпитера.

Валентин задумался: а как бы он спроектировал собственную систему? Льда вокруг сколько угодно, термоядерной энергии хватает с избытком, а киберпроходчики простаивают. Мысли о пещерах и лабиринтах заставляют человеческое сердце биться быстрее, отрицать это станет лишь конченный зануда, который в детстве не играл в разбойников и дикарей.

Савин, затеявший ледяное строительство, просто молодец. Люди отвлеклись, повеселились и, главное, обзавелись личным пространством, что не могло не повлиять взаимоотношения. На словах пренебрегая психологией, начальник экспедиции тем не менее действовал, как профессиональный психолог...

Незаурядный человек Андрей Николаевич, и надо же было так нелепо сдвинуться на собаках!

(Продолжение следует.)

ДИКИЕ СОБАКИ

Ирина ИСТРАТОВА.

В чёрной пустоте, словно улыбка чеширского кота, висел Юпитер. Под ногами серебрился коток Европы, изрезанный коньками циклопических фигуристов. Мебели не видно, она не вписалась в космический пейзаж. Валентин нашёл на ощупь стул и сел.

— Доктор Наутиял, расскажите, пожалуйста, о собаках.

— Так и знал! — Ракеш Наутиял обхватил голову руками и понурился. — Думаете, я сошёл с ума?

— Нет, не думаю.

— Не нужно меня утешать. Разве собаки — это нормально?

— Ошибки восприятия — обычная реакция на экстремальные условия. Вы долгое время находитесь в замкнутом помещении, среди одних и тех же людей, не хватает новых впечатлений. И воображение пытается это компенсировать. Вопрос в том, кто одерживает верх: вы или ваша фантазия.

— Я пытался сопротивляться! — грустно сказал индиец. — Идолго не поддавался им — Савину и Эррере Барросу. Говорил: собаки вам мерещатся, не запирайте дверь, ходил без скафандра. Хотя они настаивали.

Значит, скафандр противособачий?!

— Но они потащили меня в заброшенные служебные тоннели. Там это старинное электрическое освещение... Оно, конечно, погасло. А в темноте кто-то был... Ходил вокруг и обнюхивал меня. Я... испугался. Побегал.

— Хорошо, доктор Наутиял! Вы сознаёте, что собаки — плод воображения.

Астрофизик мотнул головой.

— Нет, они слишком осязаемы. Либо я спятил!

— Так проверьте! Отключитесь от расширенной реальности.

— Я отключился, — сказал Наутиял. — Сразу, как только мы высадились на Европе.

— То есть уже давно... Кстати, зачем?

— Знаете такую программу — «Редактор личности»? Указываешь, какие черты тебе

не нравятся в других людях, и программа фильтрует их на лету. Да что я вам рассказываю! Вы же психолог. Это они решили протестировать последнюю придумку, пока мы сюда летели.

— На «Понтифике» тоже пользовались «Редактором...», — заметил Валентин. — По-моему, отличная программа.

— Поначалу всё шло замечательно. Вокруг — люди без единой раздражающей тебя привычки. Потом и это стало утомлять. Ужасно! Злишься и не знаешь, на что?! Всё ведь идеально. Дошло до того, что в чёрный список добавляли уже какие-то совершенно безобидные качества. Все стали на одно лицо. Усреднились. А хотелось, наоборот, разнообразия. Тогда Хэ Бинсин покопался в коде и прикрутил к программе генератор случайного персонажа из какой-то игры. Мы надели друг на друга маски. В нашем распоряжении появился бесконечный резерв незнакомцев — порой милых, порой отвратительных, но не было нужды их терпеть. Стоило пожелать — и их место занимали новые. Только это разнообразие оказывалось каким-то... пустым, что ли. Изнурительным.

— И вы отключили расширенную реальность?

— Да. И стёр программу, чтобы не возникало соблазна.

— Значит, всей этой красоты вы не видите? — Тагаев посмотрел на окружающие их звёзды и планеты.

— Почему, кое-что вижу, — грустно сказал астрофизик. — Глазами, не через нейроинтерфейс. На стене у меня висит экран, и на нём изображён Юпитер.

— Тогда какие могут быть сомнения? — удивился Валентин.

— Вдруг... вдруг мне лишь кажется, что иллюзия закончилась? Когда Хэ Бинсин ломал код, он мог что-то испортить. И теперь программа работает на заднем плане — ну, или как это называется, я не специалист.

— Вы мне доверяете? Дайте доступ к вашему нейрочипу, и я посмотрю, что там происходит.

— Это бессмысленно. Если я по-прежнему в расширенной реальности, вы скажете одно, а я услышу другое.

Продолжение. Начало см. «Наука и жизнь» № 7, 2012 г.

Рисунок Людмилы Списаренко.

— Ну, знаете ли! Как вы можете работать, что-то исследовать, если не верите своим чувствам? Откуда вам известно, что объект изучения, — Тагаев ткнул рукой в Юпитер, — реален?

— Я только и могу что работать! — ответил Наутиал с жаром и отчаянием. — Юпитер — настоящая. Разве способна глупая программа придумать такое? Его гравитационное поле не оставляет камня на камне от моих теорий. Но здесь скрыта истина, я чувствую, подлинная истина, и когда-нибудь она мне откроется... Вам кажется это странным?

— Нет, — сказал Тагаев, — я понимаю.

Тагаев стал европологом задолго до того, как термин впервые прозвучал в научных кругах.

Всё началось в тот день, когда маленькому Валентину подарили орбитальный телескоп. Группу миниатюрных спутников вывели на орбиту в рамках какой-то научной программы. Когда исследования завершились, телескоп достался университету, потом его передали школе. Спутники давно нуждались в коррекции орбиты, программный интерфейс устарел, а вести урок астрономии гораздо проще, подключившись к большому публичному телескопу. Вот спутники списали и продали частному лицу. ⇨

Родители всегда дарили Валентину полезные подарки, а не те, которые он хотел получить, но эта сложная игрушка его увлекла. Валентин полюбил небо. Со временем одни небесные тела стали ему ближе, присутствие других в космосе он признавал как данность, словно они были людьми. Он и думал о них, как о людях, друзьях и знакомых. Ему нравились ледяные луны газовых гигантов, особенно Европа. Он прочёл о ней, наверно, все научно-популярные книги и статьи, какие можно найти в интернете. Но хотелось большего, он чувствовал, что существует иной уровень понимания и что для этого требуются знания.

Валентин засел за физику и математику. Ничто не казалось слишком сложным, если приближало его к Европе. Всё, связанное с ней, становилось интересным и восхитительным. Дифференциальные уравнения в частных производных — кошмар студентов — описывали её внутренний мир, и для него они были всё равно что стихи для влюблённого. Его мозг работал, как раскопечаренная топка, которую разожгли на самом лучшем угле, и теперь в неё можно было подбрасывать что угодно.

Например, космическую психологию.

Тагаев был предназначен Европе, а Европа — Тагаеву. Как лукавая царевна, она отваживала нежеланных претендентов, давая им невыполнимые задания. Дразнила, позволяла собой любоваться, но близко не подпускала.

Семьдесят лет назад беспилотный аппарат JEDI сбросил на поверхность Европы несколько тысяч геофонов. Планета движется по чуть вытянутой орбите, и притяжение Юпитера периодически сдавливает и растягивает её ледяную оболочку. Жёсткий лёд литосферы трескается, в мягком льду астеносферы слои сдвигаются и скользят относительно друг друга — всё это порождает звук, который блуждает по ледяной коре от поверхности до подлёдного океана. Если уловить его и преобразовать в картинку, получится трёхмерный портрет Европы. Кстати, значительная часть геофонов работает до сих пор.

Никто уже не помнит, сколько миссий по разным причинам отменили, сколько из них потерпели неудачу. В памяти остались лишь самые впечатляющие провалы: EDEN и «Мариус».

В конце тридцатых EDEN доставил на Европу двух роботов, оснащённых ядерными реакторами, водяными плазмобурами и георадарами. «Землепашец» должен был исследовать тонкий верхний слой ледяной коры Европы, её холодную, твёрдую и хрупкую литосферу, а «Рудокоп» — проникнуть

на несколько километров вглубь и добраться до тёплого льда астеносферы, где сосредоточена геологическая жизнь планеты.

EDEN совершил посадку, и связь с ним пропала навсегда. А в коде обнаружили несколько исправлений, внесённых явно со злым умыслом. Ответственность за эту акцию взяли на себя экологические фундаменталисты: так они хотели защитить гипотетическую жизнь Европы от разрушительного вторжения земной науки.

«Мариус» стал первой пилотируемой миссией к Юпитеру. Великая энергетическая революция сделала полёт осуществимым, дав «Мариусу» термоядерный двигатель, но она же породила глобальный экономический кризис, и в результате не все работы произвели вовремя и на должном уровне. Запуск оттягивали. Надо было решать: лететь как есть, пока не закрылось стартовое окно, или отложить миссию на неопределённо долгий срок. Это было время всеобщей растерянности, дурных предчувствий и апокалиптических настроений. В агонии капитализма многим виделся конец научно-технического прогресса, кризис называли Последним Кризисом, а миссию «Мариус» — Последней Космической Миссией Человечества.

Путь к Юпитеру был отмечен, как вежами, мелкими авариями во всех системах корабля. Команда высадилась на Каллисто — там самая низкая радиация, а ледяная поверхность покрыта соединениями железа, кремния, углерода и азота. Европа интереснее, но не столь гостеприимна, и на неё отправили роботов строить базу из привезённых с Каллисто материалов. Но туда так и не ступила нога человека. Сломался посадочный челнок, и экспедиция проторчала на Каллисто, большую часть времени занимаясь ремонтом. Чудо, что удалось вернуться домой.

Негативный опыт «Мариуса» был так ярок, что Земля ещё целых полвека не посылала людей к Юпитеру.

Европа ждала Тагаева, и он не мог поверить, что «Гаруспик» улетел без него. Ему предложили участвовать в очередной марсианской экспедиции. Ну зачем европологу Марс? Он бы ещё принял утешение от Титана и Энцелада — старых товарищей, друзей детства, но не поучения скучного старика Марса. Марс говорил ему: приезжай, набирайся опыта, как многие до тебя, и пусть всё идёт своим чередом. Что с того, что этот опыт для тебя бесполезен? Отличное украшение для послужного списка! Когда-нибудь он станет достаточно длинным, чтобы позволить тебе наконец выполнить своё предназначение.

Тагаев не сдавался, храня верность Европе. И она оценила это, потребовала его к себе.

Одну стену лаборатории занимала фотография полуобнажённой красотки. Недобрый взгляд исподлобья, нижняя губа чуть выпячена — бр-р! Заметив Тагаева, красотка качнула бёдрами и облизала губы.

— Вы принесли образец рассола, Валентин? — в глазах Рафаэля зажёгся жадный интерес.

— Из линзы? Нет, мы ещё её не вскрыли.

— Не тяните, — попросил биолог. — Как по-вашему, есть шанс найти что-нибудь во льду? Я слышал, вы не согласны с доктором Савиным.

Савин полагал, что астеносфера Европы — система, обособленная от океана. Конвекция заключена в её пределах, а обмен веществом — односторонний и незначительный. Так что, если в океане есть жизнь, вряд ли её следы будут вынесены тёплым льдом к поверхности.

Тагаев соглашался, что это представление справедливо, но лишь на коротком отрезке времени. Бывало, что водная оболочка Европы промерзала почти до дна, а случалось, оттаивала на всю глубину. Последний раз это произошло шестьдесят миллионов лет назад — таков возраст литосферы Европы, и, значит, если жизнь в океане зародилась раньше, то её следы можно найти где угодно.

— А знаете, Валентин, кто на базе самый большой оптимист?

— Кто?

— Роботы-уборщики, — Рафаэль сделал паузу, наслаждаясь непониманием. — Они жгут мусор! Чтобы, значит, уничтожить на месте проникшие на базу инопланетные микроорганизмы.

— Может, наоборот? — спросил Валентин. — Чтобы уменьшить риск заражения Европы земными микроорганизмами, как вышло на Марсе?

— И это тоже.

— Рафаэль, а роботы-уборщики проводят анализ органики, прежде чем сжечь?

— Эти глупые старые жестянки?

— Но съёмку они хотя бы ведут?

— Не знаю, — удивился Рафаэль. — Кажется, нет. А зачем это вам?

— Ищу доказательства существования собак.

— Вот, — биолог достал из ящика и протянул Валентину пластиковый конверт. Внутри лежал короткий чёрный волос. — Я провёл анализ ДНК. Это собака.

— Рафаэль, это пока не собака, а собачья шерсть. Вы могли привезти её с Земли.

— Ага. Вместе с собакой.

— Скажите, Рафаэль, как можно незаметно привезти собаку? В анабиозе?

— Ну, в принципе... Технология разработана, пора испытывать, — засмеялся американец. — Нет, не так. Нам перед вылетом поставили одну программку, якобы для облегчения существования в коллективе. Чтобы мы не замечали друг у друга недостатки. Ха! Может, мы чего ещё не замечали? Так можно не то что собаку провезти... — Рафаэль волнообразно охватил воздух обеими руками.

— Слона?

— Зачем — слона?

— А зачем собаку?

Рафаэль пожал плечами.

— Просто захотелось. С собакой веселей.

— Рафаэль, это несерьёзно.

— Вы так говорите, потому что не любите собак, Валентин. А посмотрите на доктора Савина! Видели, как он нянчится с киберпроходчиками? Дал им собачьи клички. Между прочим, наводит на размышления...

— Неужели? — Тагаев задумался. — Нет, что-то не сходится. Будь у Андрея Николаевича настоящая собака, зачем переносить чувства на роботов?

— Логично... Значит, собаку провёз Хэ Бинсин. Точно! Он ковырялся в программе для нейрочипов. И он отвечает на базе за электронику. Похоже, Валентин, вам не удастся раздобыть съёмки. Уж Хэ Бинсин позаботится, чтобы его собаку не регистрировала автоматика.

— Рафаэль, — вспомнил Тагаев. — Андрей Николаевич говорит, что вы видели собаку. Как всё произошло?

Биолог смутился.

— Только не подумайте, что это моя собака. Честно, не моя.

— Обещаю.

— После того как доктор Савин дал мне послушать запись лая, собака не шла у меня из головы. Очень хотелось её покормить. Когда я выходил на прогулку, то брал немного мяса и оставлял в старых тоннелях. И ночью мясо исчезало!

— Его убрали роботы, — предположил Валентин.

Рафаэль бросил на него негодующий взгляд.

— Однажды я решил спрятаться и посмотреть, как собака будет есть. Я видел её тень на стене, слышал, как она чавкает. Я выглянул из-за поворота, и она испугалась. Убежала прочь. Но главное я успел рассмотреть. Валентин, это была большая чёрная собака.

⇒

В центре зала стояла мощная полупрозрачная колонна — оголовек скважины. Внутри смутно темнел силуэт лифтовой кабинки.

— Вот моё хозяйство, — сказал Савин. — То есть наше, теперь оно и ваше тоже.

Он нежно погладил киберпроходчика по серому боку — словно приласкал большого смиренного пса. На взгляд Валентина, агрегат напоминал, скорее, гусеницу: сегментированное туловище, маленькая головка плазмобура с выступающими челюстями, по всему корпусу бугрятся гнёзда напылителей метальда.

— Знакомьтесь, Валентин Вадимович, это Кеша. С ним рядом — Хрюша. А Фунтика мы сейчас проведем.

Кто же так называет собак? Хомячки какие-то... Савин почесал на прощание Хрюшу по широченной бородавчатой спинке и жестом пригласил Тагаева к лифту.

Валентин с интересом разглядывал ствол скважины сквозь прозрачные стенки кабины. По виду то же композиционное покрытие, что в тоннелях, только толще и прочнее, и по всему объёму распределены датчики температуры, вязкости и электропроводности. Кабина заскользила вниз по вертикальному рельсу. Замелькали цифры, отсчитывающие глубину, на другом табло чуть медленнее увеличивалась температура.

За стенкой за клубился радужный туман — кабина вошла в столб квазиводе. Чтобы скважина не оплывала, нужно заполнить её какой-нибудь несжимаемой средой. Из того, что есть на Европе, годится вода или сульфатный рассол, — но тогда придётся поддерживать в скважине температуру намного выше, чем снаружи. Печально известная серная кислота значительно опускает точку замерзания раствора, но портит датчики и буровое оборудование. Лучшим решением стала квазиводе — ледяной нанопорошок, ведущий себя как незамерзающая жидкость.

На глубине десяти примерно километров рост температуры замедлился, а потом и вовсе остановился, немного не достигнув нуля. Кабина пересекла границы астеносферы.

В самом начале своей истории Европа была горячей. Тёплые потоки выносили из недр лёгкие вещества, тяжёлые опускались вниз. Поверхность Европы покрылась толстым слоем воды — в десятки раз глубже земного океана. На границе с космическим пространством вода мгновенно замёрзла. Глубокий океан медленно остывал, отдавая тепло ледяной коре, и рано или поздно промёрз бы насквозь, если бы не Юпитер.

Приливные силы сдвигают лёд, трут его слои друг о друга, и они разогреваются. Тёплый лёд поднимается вверх и, достигая верхней границы астеносферы, успевает местами растаять. Образуются рассольные линзы, которые постепенно опускаются вниз, потому что сульфатный раствор тяжелее льда.

— Вот здесь линза, о которой я вам говорил, — Савин ткнул пальцем в стенку. Под его рукой загорелись цифры: распределение температуры и минерализации в окрестностях скважины.

— Значит, ещё не вскрывали? — спросил Тагаев взволнованно.

— Ждали вас, Валентин Вадимович. Доктор Эррера Баррос мне всю плешь проел. Думает, там мы найдём, наконец, какие-нибудь микроорганизмы.

— Спасибо, — сказал Тагаев от души.

— Пожалуйста. Ну, как будете действовать?

Начальник экспедиции улыбался, но взгляд был оценивающий и тяжеловатый.

— Я бы пробурил боковой ствол. — Тагаев прочертил пальцем загогулину, отходящую от основного ствола скважины.

— Рассчитайте, пожалуйста, точнее, и завтра мы обсудим проект.

Для сочинения динамических палиндромов нужны вдохновение и большие вычислительные мощности. На Земле к услугам Хэ Бинсина были распределённые вычисления в Тернете, а на Европе — суперкомпьютер, предназначенный для расчёта низкоэнергетических траекторий в системе Юпитера.

Экономия топлива означает увеличение времени полёта: корабль петляет, как заяц, вокруг лун Юпитера, стараясь обхитрить закон всемирного тяготения. Эти уловки придумываются не для людей, те по-прежнему летают кратчайшим маршрутом. Хэ Бинсин должен был развернуть в системе Юпитера добычу полезных ископаемых.

Но пока автоматические зонды только заканчивали исследовать малые спутники. Компьютер простаивал, и Хэ Бинсин считал на нём динамические палиндромы. Имя Хэ Бинсина стало известным среди ценителей серьёзной литературы. Даже так: для многих он был «ещё и космонавтом».

Стук оторвал его от размышлений. За дверь стоял Валентин Тагаев. Хэ Бинсин убрал со стен тексты:

— Входите, открыто.

— Добрый вечер. Вы уже взяли новые вычислительные блоки?

— Да, спасибо. Подключил ещё вчера. Тестирую.

— Вам спасибо. Они для расчёта моих моделей.

— Знаю я вас, геофизиков, — хмыкнул Хэ Бинсин. — Сколько вам ресурсов ни предоставь, всё мало. Можете начинать пользоваться, железо в порядке.

— Отлично, — кивнул Тагаев. — Доктор Хэ, а почему у вас на двери щекотка?

— Из-за собак.

— Откуда на Европе собаки?

— Ниоткуда. Их здесь нет.

— Как так? — психолог казался озадаченным. — А вы не пытались убедить в этом остальных?

— Пытался, — пожал плечами Хэ Бинсин.

— Но только навлек на себя нелепые подозрения. К счастью, скоро я понял, что происходит на самом деле, и решил не мешать.

— О чём вы?

— Об эксперименте доктора Савина, конечно.

— Я по-прежнему не понимаю, что вы имеете в виду. Какой эксперимент?

— Психологический, — пояснил Хэ Бинсин снисходительно. — Я всё знаю. Так что давайте говорить начистоту. Мне с самого начала казалось странным, что в составе экспедиции нет психолога. Надеялись, что у нас будет мир и дружба? Хотели выгадать немного места для оборудования? Наивно. Могли в таком случае обучить психологии одного из нас. Разумно? Значит, так они втайне и сделали.

— Зачем же втайне?

— Чтобы ставить на нас психологические эксперименты. Я всё пытался понять, кто это может быть. Доктор Эррера Баррос? Вполне. Он изучил медицину — почему бы не изучить вдобавок психологию? Доктор Наутиял? На него ни за что не подумаешь. Притворяется чокнутым, чтобы не раскусили? Но нет, это доктор Савин. Во-первых, он русский, а у вас была когда-то самая сильная школа космической психологии. Во-вторых, он врач. Причём этот факт старательно замалчивается — к чему бы? В-третьих, любому другому пришлось бы действовать за спиной начальника экспедиции. А так проблема отпадает. И, наконец, в-четвёртых — собачий лай. Всё началось с Савина. Он запустил в коллектив бредовую идею и наблюдал, как развивается психическая эпидемия.

— Зачем? — Тагаев нахмурился.

— А зачем инквизиция устроила охоту на ведьм? Зачем Гитлер развязал войну?

Тагаев вспыхнул:

— Нашли с кем сравнить!

— Простите, — сказал Хэ Бинсин, — не имел в виду ничего плохого. Наоборот, я полностью поддерживаю доктора Савина.

Мы нуждались в объединяющей идее. Беда в том, что миссия «Гаруспик» крайне экономно укомплектована. Каждый представляет свою страну, у каждого своя специализация, своё задание. Компактный набор без лишних пересечений. Нам нужно было общее дело. Хотя что-то, эрзац, аварии, как у «Мариуса». Собаки нас сплотили. Конечно, лучше бы что-нибудь человеческое, но, на худой конец... Мы обсуждаем, откуда они взялись. Вместе инспектируем тоннели. Не так важно, существуют ли собаки на самом деле. Они нам необходимы.

Хэ Бинсин испытующе посмотрел в глаза собеседника, но в ответном взгляде почему-то не заметил одобрения.

— А зачем нам объединяться?

— Это же очевидно! — сказать по правде, Хэ Бинсин не представлял, зачем надо непременно объединяться, и не горел желанием. В глубине души он оставался индивидуалистом. — А вы полагаете, что единство нам не требуется?

— Уж точно не как самоцель. Люди объединяются, чтобы работать сообща. Но вы же сами говорите, что общего дела у нас нет. Так давайте делать ту работу, которая есть, а не выдумывать несуществующую! Это недостойно учёного. А с собаками я разберусь, и вы мне поможете. Скажите, где находится управление системами базы?

— В операторской, ключ у начальника экспедиции, — сказал Хэ Бинсин. Поколебался и добавил: — Но, между нами, туда прекрасно можно зайти по сети.

— Дайте мне, пожалуйста, полный доступ.

— Должен вас предупредить, это против правил. Что вы собираетесь делать?

— Установлю видеонаблюдение.

— А как же право на тайну личной жизни?

Валентин пожал плечами. Открытый, без тени смущения взгляд. Тагаев был, очевидно, из тех людей, что и собственную приватность не оберегают особенно, и от других ждут того же.

— Мы космонавты.

Да, конечно. Все они прошли через тесты, где каждый их жест, вздох и удар сердца анализировала группа специалистов. Привыкли жить под наблюдением, не так ли?

— Хорошо, — протянул Хэ Бинсин. — Секунду подождите... Всё. У вас права администратора, поздравляю. Что теперь?

— Давайте подключимся к какому-нибудь устройству и будем наблюдать. Или просто покажите мне, как это делается, если вас смущает ситуация. ⇨

— Вовсе нет, — голос Хэ Бинсина не дрогнул. Он был настолько скрытен, что саму свою скрытность скрывал очень тщательно. — Не всё так просто. Мы имеем дело с техникой сороковых.

— И что же? Очевидно, в ней есть какие-то камеры и датчики. В роботах-уборщиках, в кухонном оборудовании, судя по его поведению.

— Да, похоже на распределённый интеллект, — согласился Хэ Бинсин, — но здесь другое. Смотрите: вот техника, — он очертил рукой круг в воздухе. — Тупая как пробка. А вот, отдельно, датчики. То и другое — под управлением операционной системы.

На стене отобразилась схема из трёх кривоватых окружностей.

— Причём политика конфиденциальности абсолютно параноидальная, — пояснил Хэ Бинсин с долей уважения. — Никто не имеет доступа на чтение к видеоданным, даже администратор. А техника получает не больше информации, чем ей необходимо для функционирования.

— А нельзя ли...

— Наверно, можно. Но я не хакер, а программист.

— А собственно, зачем нам наблюдение? — проговорил Тагаев задумчиво. — Нам необходима информация по собакам. Допустим,

мы подключили к системе новое устройство, которому нужны как раз такие данные. Например, автоматическую кормушку...

— Всё, всё, я понял! — прервал Хэ Бинсин.

Написать эмулятор кормушки для собак? Да без проблем. Коль скоро мир даётся системе в битах, то при известном мастерстве разработчика она не отличит настоящее оборудование от программной эмуляции.

Хэ Бинсин обрадовался. Идея, конечно, хакерская, но задача — вполне программистская. Понятная, выполнимая и где-то даже весёлая. И самое главное, над ним больше не висела угроза тотальной слежки. Записываться будет лишь то, что имеет отношение к собакам.

Валентин вошёл в комнату и сел за стол. Ах незадача! Задумался и машинально опустил противособачью щеколду. Он рванулся встать и снова сел. Ну уж нет. Если заперся — пусть будет заперто. Он не станет думать об этом больше, чем оно того заслуживает. А иначе, как Ракеш Наутиял, придёт к вере в собак через их отрицание.

(Окончание следует.)

ДИКИЕ СОБАКИ

Ирина ИСТРАТОВА.

За последние полвека космические экспедиции ни разу не сталкивались с серьёзными психологическими проблемами. На марсианской базе обитало несколько сотен человек, там завели сад и огород, домашних животных, проводили концерты авторской песни. Раз в неделю Тернет кэшировался в Марснете. Психолог на Марсе требовался не больше, чем на Луне.

Неудивительно, что при подготовке миссии «Гаруспик» психологическим аспектам не уделили должного внимания. Идея, в сущности, неплоха: сгладить неприязнь и скрасить однообразие с помощью компьютерных технологий. На «Понтифике» сработало. Но то был большой удобный корабль, спроектированный специально для дальнего веземелья, а не тесный переоборудованный марсианский челнок, под завязку набитый научной аппаратурой. На «Понтифике» не злоупотребляли программой «Редактор личности» и два психолога следили за обстановкой на борту.

На «Гаруспике» же потенциал расширенной реальности исчерпали быстро и бестолково. Люди столкнулись с недружелюбной действительностью — как двести лет назад где-нибудь на льдине или в глухой тайге. Только теперь они не были к этому подготовлены.

Мозг человека не обрабатывает весь поток информации, поступающий от органов чувств. Выхватывает лишь самое существенное и с помощью воображения достраивает полную картину. По тому же принципу построены современные системы машинного зрения, сжатия видео и визуализации расширенной реальности. Но что если изолировать человека от мира, замкнуть в тесном помещении, лишит новых впечатлений? Его органы чувств будут работать в прежнюю силу, хотя информационный поток станет менее содержательным. Сознание начнёт хвататься за второстепенные детали, возводить их до уровня значимых, а воображение нарисует на их основе фантастическую картину реальности. В шуме и скрежете послышится лай, тень на стене превратится в животное.

Собаки питали изголодавшееся по образам сознание. Они стали необходимы. И

значит, их существование — вопрос веры, а не логики. Да и как доказать, что их не существует? Чтобы доказать обратное, достаточно предъявить хотя бы одну собаку. А как? Допустим, программа слежения не обнаружила собак. Из этого лишь следует, что собаки не прибежали.

Но, быть может, вера в их существование даст трещину? Недаром же Андрей Николаевич категорически против отключения уборщиков! Он боится усомниться.

Тагаев вошёл в систему ремонта и профилактики. Стены комнаты покрылись схемами и чертежами, по которым ползали пиктограммы роботов-уборщиков. Нет, отключать их, конечно, нельзя. Это действительно опасно. И станет заметно сразу, а значит, плакал и тайный доступ к серверу, и надежда на получение доказательства.

Но, с другой стороны, разве роботов обязательно отключать? Пускай себе ездят по базе, чинят поломки, но не трогают мусор. Да! Тагаев подправил правила уборки и разослал роботам. Значки мигнули оранжевым. «Завершаю текущую операцию, — отчитались роботы один за другим. — Команда выполнена успешно».

И только последняя пиктограммка окрасилась в красный цвет, и рядом с ней загорелась надпись: «Отказано в доступе».

Тагаев сердито кашлянул.

— Доктор Хэ, вы обещали мне полный доступ!

— Доброе утро, — рассеянно отозвался китаец, не отрывая взгляда от бегущих по стене строк кода. — Вы пытались отключить уборщиков? Я в своё время тоже пробовал. По-видимому, отключить одновременно всех в принципе невозможно. Такая вот безумная политика безопасности.

— Почему вы меня не предупредили?

— Вы просили доступ — я дал его. — Хэ Бинсин пожал плечами. — И потом, вдруг бы у вас получилось?

— Не получилось. А как продвигается драйвер собачьей кормушки?

— Практически готов. Одна загвоздка: система просит определить, что такое собака. Я написал программку самообучения и направил её в архив интернета. Но вы не представляете, какую ересь выдаёт поиск по запросу «собака»!

Окончание. Начало см. «Наука и жизнь» №№ 7, 8, 2012 г.

Рисунок Людмилы Слюсаренко.

— Представляю. А давайте поступим проще. Скажите, кто есть на базе кроме собак?

— Кроме собак? — китаец понимающе хмыкнул. — Роботы-уборщики. Ну, люди ещё, конечно.

— Значит, собаки — это все те, кто не роботы-уборщики и не люди.

— Сильно! — Хэ Бинсин кивнул и с невероятной скоростью принялся вводить иероглифы. — Ну вот, дело сделано. Запускаем?

— Спасибо. Если можно, установите виртуальные кормушки в каждом тоннеле.

— Без проблем.

План базы на стене густо покрылся значками, изображающими кости на тарелке. Один из них сразу же вспыхнул зелёным.

— Что за глюки, не понимаю... — пробормотал программист.

Он ткнул в зелёную иконку и развёл руки в стороны, увеличивая участок. В затейливом сплетении тоннелей Валентин узнал савинский «Проспект». Иконка погасла — и тут же загорелась соседняя.

— Собачье привидение ходит сквозь стены, — прокомментировал Хэ Бинсин. — Я вас позову, как только найду ошибку.

Валентин задумчиво посмотрел на план.

— А давайте сходим проверим.

— Здесь ничего нет, — с укоризной сказал китаец и остановился посреди коридора. — Нет и быть не может! Не ожидал, что вы тоже втянетесь в это дело.

— В какое дело?

— Станете бегать по тоннелям за собаками.

— Наоборот, я хочу доказать, что их не существует. ⇨

— Ну конечно, — с горькой иронией сказал Хэ Бинсин, — в этом деле у каждого свои мотивы. — Он обеспокоенно оглянулся по сторонам: — Между прочим, нас сюда не приглашали, мы нарушаем чужое уединение. До чего неучтиво...

— Тихо! — Тагаев предостерегающе поднял руку. — Слышите? Пол дрожит.

— Ничего не слышу.

В толще льда зарождалось глухое ворчание, которое постепенно перерастало в рёв. Свет погас, на тёмной стене разгоралось призрачное фиолетовое сияние. По тоннелю разнёсся громовой грохот — будто грозовой шквал обдал лицо свежестью и запахом озона. Всё скрылось в клубах пара, пронизанных лиловыми молниями, и Валентин почувствовал, как тонкая плёнка скафандра течёт вверх по лицу и затягивает рот, ноздри и глаза.

Из дыры в стене лезло чудовище. В его пасти билось фиолетовое пламя, шкура искрилась, подёрнутая инеем. Вслед за чудовищем вышел человек с гладким безглазым лицом. Он похлопал зверя по загривку и произнёс:

— Молодец, Кеша.

С его лица стекла защитная плёнка и втянулась в воротник. Тагаев узнал Андрея Николаевича. Туман развеялся, призрачное свечение померкло. В свежепрокопанном тоннеле за спиной Савина зажглись разноцветные световоды.

— Доктор Савин, простите за вторжение, — сказал Хэ Бинсин сконфуженно. — Ну, я пойду, подправлю код...

— Вы меня искали? — Савин приветливо кивнул. — Хотите показать расчёт скважины?

— Андрей Николаевич, я подумал... не могли бы вы одолжить мне Кешу! Хочу попрактиковаться.

— Похвально. Однако бурить в теплопроводном льду — совсем не то, что в конвективном. Не может быть, чтобы вы не знали.

Тагаев неопределённо пожал плечами. Савин склонил голову набок, прищурился.

— О! Сдаётся мне, вам надоело общение и вы ищете уединения? Берите Кешу, берите, ради бога, я покажу вам, как с ним обращаться. Хотите — управляйте сами, хотите — загрузите план строительства и принимайте работу. Не смущайтесь! Дело житейское.

Рафаэль Эррера Баррос обвёл взглядом небольшой круглый зал со светящимися колоннами.

— Валентин, у вас тут очень мило.

— Спасибо. Могу я попросить вас об услуге? Хочу, чтобы вы время от времени приходили сюда и брали анализы на органику.

— Почему здесь?

— Я построил это место, но не внёс его в план, — пояснил Тагаев. — Так что роботы-уборщики сюда не заглядывают.

— Что вы наделали?! — биолог возмущённо всплеснул руками. — У вас бактерии разведутся!

— Мне кажется, ради собаки стоит рискнуть. Только, пожалуйста, не говорите ничего доктору Савину, а то он расстроится.

— Можно подумать, я обрадовался, — буркнул Эррера Баррос. — Как-то вы рьяно взялись за дело... А что, если я ничего не найду? Вдруг собака не придёт?

— Так приманите её. Положите мясо, как в прошлый раз.

— Да ну, какое это мясо? — Рафаэль пошёл на попятную. — Соя из оранжереи. Собаке не понравится.

— По-моему, вкусно.

— Мясной ароматизатор.

— Давайте прямо им и побрызгаем, — предложил Валентин.

— Тогда уж возьмите смелл-бокс. Висел один когда-то в столовой, мы из-за него чуть не перессорились. Никак не могли договориться, какой включать запах. Тогда доктор Савин свинтил шутовину и унёс к себе в комнату. Страшно представить зачем.

— У него пахнет ёлками, — вспомнил Валентин.

Рафаэль передёрнулся:

— Вот ужас!

Красотка на плакате исполняла циклический стриптиз. Под меховым манто она носила топ со стразами, под топом — шёлковый пеньюар, а под ним снова манто. Зря старалась: Эррера Баррос смотрел прямо перед собой, озабоченно сведя брови, и барабанил пальцами по подлокотнику.

— Рафаэль, опять никаких следов? — поинтересовался Тагаев. — Не кажется ли вам, что...

— Я нашёл кое-что другое, — прервал биолог. — Валентин, пометить собак — отличный план, но стоило сначала обсудить его со мной. Я бы посоветовал какое-нибудь химическое соединение.

— Кто пометил собак? Рафаэль, о чём вы?

— О радиоизотопных микрокапсулах, которые вы разбросали по своей пещере. Собаки занесут их в логово, и вы отследите его по гамма-излучению, — Эррера Баррос пристально посмотрел на Тагаева, и на его лице проступило недоумение. — Разве не так?

— Честное слово, впервые об этом слышу. Что именно вы нашли?

— Смотрите, вот картинка с микросканера, — биолог взмахнул рукой, и в воздухе перед ним возникло объёмное изображение вращающейся сферы. — Размер образцов сто микрон, очень точно выдержан. Покрыты алмазоподобной оболочкой

— придётся повозиться, чтобы вскрыть. Впрочем, оно и не обязательно. Гамма-спектрометрия показывает, что внутри радиоизотопы: цезий-137, европий-154, америций-241. Так вы говорите, что микрокапсулы не ваши? Тогда откуда же они?

— Быть может, из вашей лаборатории?

— Нет! У меня есть, но не такие. И не в лаборатории, а в медблоке. Наверное, это микрокапсулы доктора Савина.

— Почему вы так решили?

— Ну... — биолог потёр подбородок.

— У меня все изотопы по отдельности, в этом есть смысл. Например, америций-241 — мягкий излучатель, его основной пик лежит в рентгеновском диапазоне, поэтому микрокапсулы с америцием вы найдёте в гамма-томографе. У европия-154 энергия распада на порядок больше — идеально для стерилизации инструментов. А какой смысл смешивать изотопы? Единственное, что приходит в голову, — для калибровки радиометрической аппаратуры. Кто с ней работает? Доктор Савин. Изучает, как радиация воздействует на лёд.

— А микрокапсулы сильно излучают?

— Не так чтобы очень... Но если проглотить, то не поздоровится.

— Зачем глотать? — удивился Тагаев.

— Нечаянно. Бедная собака станет вылизывать лапы — и вот... Валентин! Надо убрать микрокапсулы, пока собака не пострадала. Запускайте роботов-уборщиков... — биолог резко смолк, его лицо вытянулось. — Dios mio! Кто знает, где ещё были рассыпаны эти капсулы...

— И как давно мы по ним ходим? — спросил Тагаев.

Рафаэль вскочил.

— Надо срочно всех обследовать! Придётся ввести доктора Савина в курс дела. Не обессудьте, Валентин, положение очень серьёзное.

— Начнём с вас, доктор Наутиял, — Эррера Баррос сделал приглашающий жест в камеру компьютерной диагностики. — Располагайтесь, пожалуйста.

— Почему с меня? — насторожился астрофизик. — Ну ладно, как скажете. Раздеться и лечь?

— Ах, доктор Наутиял, каждый раз вы спрашиваете! Можете хоть стоять на голове — аппаратура всё сама отследит. И снимать скафандр не обязательно, заодно проверим и его.

— Я не буду стоять на голове, — с достоинством сказал Ракеш Наутиял, сел на край кровати и сложил руки на коленях.

— Доктор Эррера Баррос, — поинтересовался Хэ Бинсин, — вы подозреваете, что радиоактивные микрокапсулы разбросал кто-то из нас?

— Разумеется, нет. Но они могли случайно попасть в организм, а это опасно. Быть может, вы знаете, откуда они взялись?

— Радиоизотопы разносят собаки, — уверенно сказал Савин. — Над ними ставили опыты с облучением.

— Доктор Эррера Баррос не нашёл следов собаки, — возразил Тагаев.

— Всё имеет объяснение, Валентин Вадимович...

— Собака была в скафандре, — предположил Хэ Бинсин.

— Зря вы иронизируете, — сухо отрезал Савин. — Микрокапсулы привёз «Мариус», и это легко доказать. Доктор Эррера Баррос, вы снимали спектр гамма-излучения? Можно взглянуть на результаты?

— Конечно, пожалуйста.

На стене вырос частокол пиков, рядом с каждым подписан символ изотопа.

— По интенсивности распада материнских и дочерних изотопов, — вслух размышлял Савин, — можно определить их доли в образце, а следовательно, его возраст. Гм... Что за чертовщина?

Он выхватил из воздуха трёхмерный снимок микрокапсулы и стал внимательно её разглядывать, поворачивая в разные стороны.

— Ага, вот и оно... — Савин ткнул пальцем в точку на поверхности и развёл руки, увеличивая участок, где гладкое покрытие было испещрено желобками и лунками.

— Какой-то артефакт сканирования, — отмахнулся Рафаэль. — Прибору пятьдесят лет, чего же вы хотели?

— Почему вы решили, что это радиоизотопные микрокапсулы?

— Ну как же! Это микрокапсулы, верно? И они излучают. А что это может быть ещё?

— Ядерное метатопливо, — объяснил Савин. — Плутоний-239 в специальной оболочке, которая замедляет нейтроны и адсорбирует осколки деления.

— Плутоний? Jesucristo! — Эррера Баррос побледнел. — Это смертельно опасно! Нет, постойте... Где на графике подписано плутоний-239? Нету такого. Подписано: цезий-137, европий-154, иттрий-90, родий-106, церий-144, америций-241... Вы пошутили, доктор Савин? — американец издал нервный смешок. — Я чуть было не попался.

— Отнюдь. Просто эти радиоизотопы — сильные гамма-излучатели и своим шумом напрочь забивают спектр плутония.

— В самом деле? Тогда как вы догадались?

— По характерному распределению атомных масс, — буркнул Савин. — Похоже на осколки деления какого-то актиноида тепловыми нейтронами. Большой обычно имеет массу 135—140 атомных

единиц. Цезий-137, например. Остальное приходится на меньший осколок.

— Складываем и получаем плутоний-239? — скептически улыбнулся Рафаэль.

— В общем-то верно, — кивнул Савин. — По распределению осколков можно вычислить делящийся изотоп. Но мы упростим задачу, беря в расчёт лишь топливо для типовых реакторов на медленных нейтронах. Вряд ли это кюрий-245 — его бы мы увидели на спектрограмме. Уран-233 тоже можно исключить — в урановом реакторе не наработать столько америция. Остаётся плутоний-239. Но если честно, — Савин по-мальчишески улыбнулся, — я просто посмотрел на маркировку. Так в своё время метили ядерное метатопливо для медленных реакторов.

Эррера Баррос с недоверием и опаской разглядывал сложный узор на поверхности микрокапсулы:

— Да? И что тут зашифровано?

— Полагаю, серия и дата.

— А нельзя ли по этим данным отследить происхождение микрокапсул? — поинтересовался Хэ Бинсин.

— Стоит попробовать, — кивнул Савин. — Я отправлю запрос на Землю в ближайший же сеанс связи.

Тагаев закрыл дверь, опустил щеколду... Ах, собаки! Совершенно вылетели из головы. Впрочем, остальные тоже забыли о собаках, что совсем неплохо. Настоящая проблема занимательнее вымышленной, и завтра они узнают решение. Прямо как в сказке — утро вечера мудренее, а сейчас следует лечь и уснуть.

Но Валентин не мог ждать до утра! Это всё равно что заглянуть в конец задачника. Скучно. Неспортивно. Зачем лишать себя удовольствия подумать? Он вскопал с кровати и открыл архив интернета.

Перечня маркировок ядерного метатоплива там не нашлось. Похоже, засекречен из каких-то политических соображений, канувших в Лету вместе со старым мировым порядком. К счастью, обнаружилось несколько научных статей по реакторам ВДР и ВДР-М, и теперь Тагаев наслаждался уравнениями, описывающими потоки водно-топливной дисперсии в активной зоне. До чего изящно эта сложность обращалась в простоту! Часть интегралов бралась аналитически, а затем с численным решением в реальном времени справлялся компьютер середины двадцатых.

Система безопасности была красива и надёжна, как законы физики. Если начнётся неуправляемая реакция, вода — замедлитель и внутренний отражатель нейтронов — частично испарится. Поток нейтронов уменьшится, и реактор вер-

нётся в нормальный режим. Пассивная защита удержит внутри метатопливо, но даже если она повреждена, не так страшно, ведь самые опасные продукты распада — радиоактивные инертные газы — остаются в оболочке микрокапсулы.

Устройство с такой красивой математикой внутри не могло оказаться неудачным. «Ведро», а потом «ведро маленькое» штамповали на протяжении шести десятков лет, их можно найти где угодно — от подвала жилого дома до спортивного конwertоплана. Валентин нешироко развёл руки и удивлённо покачал головой. Неужели такого оно было размера — вместе со всей защитой и стирлингами? Действительно, чуть больше ведра. Да, это вам не термоядерный реактор. Такую штуку запросто мог (Тагаев не удержался от улыбки) втайне привезти «Мариус».

То что ядерного реактора не было в проекте базы, ещё ни о чём не говорит. Тут есть много чего такого, чего нет в проекте, — ему ли не знать. И ядерный реактор могли привезти... Но стали бы?

Управляемая реакция синтеза, полвека назад зажжённая в смеси гелия-3 и дейтерия, избавила людей от страха перед будущим, дала уверенность в том, что энергии много и её хватит всем. Теперь не было недоступных ресурсов, неподъёмных научных программ, причин для зависти и вражды. Но всё же великую энергетическую революцию совершил не чистый термояд.

К тому времени на Земле уже построили несколько сотен реакторов предыдущего поколения — дейтерий-третиевых: грязных и неэффективных; всё так, но только если не видеть ситуацию в целом.

Во-первых, ещё больше, чем в электричестве, человечество нуждалось в чистой питьевой воде. Среди побочных продуктов опреснения морской воды присутствуют дейтерий и литий — дешёвое топливо для дейтерий-третиевого синтеза. Во-вторых, такой реактор неэффективен, если снимать с него энергию напрямую, и грязен, если бороться с его нейтронным излучением, вместо того чтобы использовать, а именно: направить в ядерный реактор на быстрых нейтронах. Эти реакторы тоже были крайне необходимы человечеству — они производили искусственное ядерное топливо для тех самых ВДР и ВДР-М, которым ещё долго не находили альтернативы, а потом дожигали ядерные отходы.

Парадокс, но если заменить в этой связке старый и плохой термоядерный реактор на новый и хороший, то выйдет неудобно и дорого. Чистый термояд остался не востребован. Разве что на Луне, где гелий-3 лежит буквально под ногами, и в космических двигателях, для которых нужен поток заряженных частиц, протонов, чтобы управлять

ими с помощью электромагнитного поля, а нейтронное излучение бесполезно.

Энтузиасты чистого термояда возложили надежды на дальнее Внеземелье, где в атмосферах газовых гигантов заключены запасы гелия-3, а тяжёлые уран и торий недоступны. Миссия «Мариус» — их проект, она должна была стать визитной карточкой чистого термояда в дальнем Внеземелье. Могли ли эти люди захватить в полёт ядерный реактор — так, на всякий случай? Пердуюмонокль! Капитуляция без боя.

Впрочем, гадание на кофейной гуще вряд ли приближает к ответу. Тагаев вышел из архива и открыл план базы. Целесообразней разобраться, как радиоактивные микрокапсулы попали в пещеру. Роботы-уборщики их принести не могли, они туда не заглядывали. Киберпроходчиком Тагаев больше не пользовался, а другие не стали бы копаться на чужой территории. Люди? Они ни при чём, и нет оснований им не верить. А больше никто в пещере не бывал, иначе сработал бы детектор собак.

Кто остаётся? Никого.

Следовательно, никто не приносил микрокапсулы в пещеру. Они попали в неё иначе. Например... например, просыпались из детектора дыма. Тагаев в азарте запустил поиск по плану. Так и есть — дымовые детекторы на каждом шагу. Только вот незадача: они оптические, а не ионизационные. Не обязательно было заглядывать в техническую документацию, можно и так догадаться. Потому что какие ещё детекторы, кроме оптических, способны выплавить изо льда киберпроходчик?

Валентин чуть не застонал от досады. Это была хорошая гипотеза — теперь пришёл черёд плохой. Возможно, кого-то напрасно исключили из списка подозреваемых. Придётся заново проверять. Допускать, что кто-то из коллег нечестен, мучительно, и Тагаев решил начать с роботов. Он выделил на плане роботов-уборщиков и отдал команду:

— Отобразить журнал передвижений за последнюю неделю.

Три разноцветные ломаные линии, похожие на траектории броуновских частиц, густо оплели коридоры. А четвёртый робот ответил: «Отказано в доступе».

— Это ещё почему? — возмутился Тагаев. — Эй, а может, ты неисправен? Запустить самопроверку!

Робот надолго задумался и выдал: «Устройство работоспособно».

— Подробнее, — приказал Валентин.

«Отказано в доступе».

— Что за ерунда?

Пиктограмма тревожно замигала, и система вывела рядом с ней надпись: «Неизвестное устройство».

Валентин тихонько стоял и слушал, как поворотом кто-то шуршит, вздыхает и похрустывает. Хрр! Кажется? Или в соседнем коридоре потемнело? Валентин приложил руку к стене и медленно выдвинул за угол кончики пальцев.

Неизвестный механизм был размером с хорошую собаку. Металлический корпус испягнан вмятинами и шрамами коррозии, несколько ног обломаны. Слабо фонит. Ага! Так вот кто разбрасывает радиоактивные материалы... Но зачем?

Робот вонзил жвала в металёд. Хрр! Хрустнули перерезанные световоды. Валентин выдохнул. Робот поднял голову и замер. Втянул усики и шустро поковылял восвояси — две ноги слева, три с половиной справа. Валентин бросился за ним.

Глупая идея, думал он на бегу. Догнать-то, допустим, догону, а дальше что? Как удерживать? Робот по меньшей мере в три раза тяжелее. Но не стоять же и не смотреть ему вслед! Сейчас бы сеть-паутинку или хоть магнитное ружьё — поставить метку. Но Тагаев вышел на охоту с пустыми руками. Дилетант! Впрочем, так ли уж с пустыми...

Валентин прыгнул и поймал робота за задние ноги. Тот рванулся, как мустанг. Тагаев упал на живот, не разжимая хватки, и железная зверюга без особых усилий поволокла его за собой. Если б не скафандр, Тагаев изрядно мог пораниться.

Жаль, придётся снять. Скафандр предупредил, что Тагаев подвергает себя неблагоприятным температурным условиям и механическому воздействию, и стал перетекать по его рукам на робота.

— Доктор Наутиял! Откройте. Вы получили моё сообщение?

Дверь приоткрылась, и в щель на секунду высунулся длинный нос Ракеша Наутияла. Дверь закрылась.

— Эй, я совсем замёрз. У вас не найдётся...

Индиец распахнул дверь и протянул Тагаеву одеяло.

— Вижу. Вы весь синий. А где скафандр?

— Уж не знаю, как сказать. Лучше пойдемте покажу.

Процессия получилась что надо! Впереди шёл Тагаев, завернувшийся в одеяло на древнегреческий манер. Но не торжественно, как приличествует случаю, а подпрыгивая и обхватив себя руками. Следом — недоумевающий Наутиял. У автоматических дверей к ним присоединились Савин и Хэ Бинсин, а через пять минут компанию нагнал зевающий Рафаэль. Единственный, кто не задавал вопросов.

— Он был где-то тут! — вдруг встревоженно сказал Тагаев и прибавил ходу. ⇨

Дикий робот обнаружился метров через десять в боковом ответвлении. Он неуклюже уползал, мелко перебирая ногами, увязшими в прозрачной субстанции. Рафаэль привстал на цыпочки и выглянул из-за плеча Савина. Моргнул. В сонных глазах появилось осмысленное выражение.

— El labrador!

Он протиснулся вперёд и принялся ходить вокруг робота, размахивая руками и радостно тараторя по-испански. Робот задёргался, не зная, в какую сторону убегать.

— Собака? — спросил Ракеш Наутиял растерянно и с обидой. — Мы принимали за собаку какого-то неисправного робота?

— Это не простой робот, это «Землепашец», — пояснил Савин. — Только что пришёл ответ с Земли — они опознали маркировку. Валентин Вадимович, чтоб мне провалиться, вы нашли «Землепашца».

И расхохотался.

— Тот самый «Землепашец»? — недоверчиво спросил Тагаев. — Миссия EDEN? Вы шутите, Андрей Николаевич!

— Я и сам не верил, пока не увидел своими глазами. Да, это он.

— Насколько я помню, «Землепашца» уничтожили зелёные экстремисты, — сказал Хэ Бинсин. — Его и другого робота, их было два.

— Ну, выходит, не уничтожили, — сказал Андрей Николаевич, сияющий, как именинник, — просто лишили связи. А «Землепашец», предоставленный самому себе, продолжал исполнять программу. Исследовал особенности рельефа, замерял температуру и химический состав льда. Вы понимаете, что у нас в руках? Уникальные

данные, результаты шестидесятилетних наблюдений за поверхностью Европы!

— Это было бы слишком хорошо, — Хэ Бинсин скептически посмотрел на робота. — Откуда мы знаем, что он действительно исполнял программу?

— Я прогнал тест, — сказал Тагаев. — Он работоспособен. И я сам видел, как он брал пробы металла.

— Но зачем?

— Обнаружил загадочное инопланетное вещество, — засмеялся Валентин.

Все веселились. Савин и Эррера Баррос отплясывали вокруг робота, точно пещерные люди вокруг добытого мамонта.

— Записи наблюдений за шестьдесят лет! — хохотал Савин. — Валентин Вадимович, милый, что вы за них хотите? Ничего не жалко!

— Вот их и хочу, Андрей Николаевич, — отвечал Тагаев.

— Ура! — кричал Рафаэль. — «Землепашец» нашёл жизнь! Не может быть, чтоб не нашёл.

— А ну-ка, взяли! — скомандовал Савин.

Тагаева подхватили на руки и триумфально пронесли до поворота и обратно. Тагаев умолял:

— Моё одеяло!

Хэ Бинсин, который под шумок куда-то делся, вернулся и принёс старинный планшетный компьютер. Принялся тыкать пальцем в экран. Робот подогнул под себя ноги и затих.

— Ага! — азартно воскликнул программист. — Тут придётся повозиться...

— А может, мы и «Рудокопа» найдём? — спросил Рафаэль.

— Поищем!